

СТАТЬИ

О.В. Попова

ПОЛИТИЧЕСКИЙ КЛАСС В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕ: ОЦЕНКИ ЭКСПЕРТОВ

Аннотация

Анализируются ключевые характеристики политического класса (структура, функции, модели позиционирования и взаимодействия с населением) в современном государстве с точки зрения экспертов, специализирующихся в области изучения институциональных аспектов политики. Цель исследования – выявить специфику взглядов ведущих отечественных политологов на изменения политического класса в государствах в контексте развертывания процессов постглобализации. Проведенный в декабре 2024 г. экспертный опрос (метод нестандартизованного интервью), участниками которого стали ведущие российские политологи, представляющие академическую и университетскую науку, преподающие в ведущих университетах России, был посвящен оценке трансформации политического класса в условиях постглобализации, когда заметно меняется роль государства. Проведен сравнительный анализ представлений экспертов об особенностях состояния и функционирования политического класса в ряде стран. Российские политологи различают категории «политический класс», «политическая элита», «властвующая элита», «правящая элита», «правящий класс» и т.д., однако предпочитают использовать второй термин. Экспертные интервью показали, что среди ученых существуют расхождения в представлениях о структурировании современного политического класса. Некоторые эксперты убеждены, что реальной политической властью обладают социальные группы, которые не представлены непосредственно в управленческих структурах. Отмечена разнонаправленность тенденций в развитии элитных групп в различных государствах. Отмечаются проблемы со способностью национально-государственной элиты реализовывать в

О. Popova

POLITICAL CLASS IN THE MODERN STATE: EXPERT ASSESSMENTS

Abstract

The key characteristics of the political class (structure, functions, models of positioning and interaction with the population) in a modern state are analyzed from the point of view of experts specializing in the study of institutional aspects of politics. The purpose of the study is to identify the specifics of the views of leading Russian political scientists on changes in the political class in states in the context of the deployment of post-globalization processes. Methods: An expert survey (non-standardized interview method) conducted in December 2024, in which leading Russian political scientists representing academic and university science, teaching at leading universities in Russia, participated, was devoted to assessing the transformation of the political class in the context of post-globalization, when the role of the state is noticeably changing. A comparative analysis of expert assessments of the features of the state and functioning of the political class in a number of countries was carried out. Russian political scientists clearly distinguish between the categories of "political class", "political elite", "ruling elite", etc., but prefer to use the second term. Expert interviews had shown that there are differences in the views of scientists on the structuring of the modern political class. Some experts are convinced that real political power is wielded by social groups that are not directly represented in governing structures. Different trends in the development of elite groups in different states have been noted. Problems are noted with the ability of the national-state elite to implement the interests of their own state in their activities in the context of maintaining the political and economic influence of global elites and the forced loss of part of the sovereignty of

своей деятельности интересы собственного государства в условиях сохранения политического и экономического влияния глобальных элит и вынужденной потери части суверенитета странами, входящими в международные организации.

countries that are members of international organizations.

Ключевые слова:

постглобализация, современное государство, политический класс, политическая элита, структурные компоненты, функции управленческих групп.

Key words:

post-globalization, modern state, political class, political elite, structural components, functions of management groups.

* Исследование выполнено в Институте научной информации по общественным наукам РАН при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ и Экспертного института социальных исследований в рамках научного проекта № 124101700569-6 «Политический класс и государство в условиях постглобализации XXI в.».

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2025-1-129-144>

Предложенная Г. Моска категория «политический класс» прижилась в политической науке и активно используется для интерпретации многих политических процессов. Вопросы, связанные с политическим классом, тщательнейшим образом многократно проанализированы в научной политологической литературе за последнее столетие, при этом интерес к ним не снижается и в настоящее время ни в отечественной (Burenko, 2012; Gaman-Golutvina, 2016; Kolyadin, 2015; Kochetkov, 2017; Politicheskaja, 2021; Gaman-Golutvina, 2012; Kryuchkov, 2013; Tulchinskii, 2023), ни в зарубежной политической науке (Cairney, 2015; Vis B., Stolwijk, 2021). Современные исследователи говорят не только о политических классах на уровне государств, но и заявляют о возвышении в условиях глобализации транснационального политического класса, выделяя в нем руководителей ТНК, глав государств и чиновников панрегиональных организаций, чиновников международных финансовых организаций, влиятельных членов международных аналитических центров, владельцев ориентированных на рекламу популярных товаров и услуг СМИ и представителей ВПК надгосударственного уровня и военных блоков (Leyn, 2020). Несомненно, этот политический класс пришел надолго и будет существенным образом влиять на уклад существования многих государств. Однако обществоведы достаточно настойчиво в последнее время пишут о тренде постглобализации и изменении характеристик политического класса в государствах.

Обсуждение состояния политического класса, политической элиты в современных условиях должно опираться на поиск определенных ответов на вполне конкретные вопросы, что из себя представляет современное госу-

дарство и как оно меняется или изменилось в условиях постглобализации. Но единой или хотя бы доминирующей точки зрения политологов по этим проблемам нет. Идет активнейшая дискуссия, является ли постглобализация новым этапом в развитии международных процессов или необходимо следовать теории «волнового развития глобализации».

В отношении государства чуть ли ни единственная точка совпадения позиций ученых касается того, что «слухи о смерти государства оказались преждевременными». Исследователи признают, что некоторые международные организации выполняют функцию «зонтичных покровителей» для ряда стран, предоставляя им некоторые финансовые преференции и гарантии экономической и политической стабильности в обмен на часть (иногда очень значительную) государственного суверенитета. Тем не менее, и в этой ситуации эвристической неопределенности ученые стремятся проанализировать намечающиеся и проявившиеся тенденции в изменении политического класса. Безусловно, роль масс в истории никто не отменял, но сконцентрированные в руках политической элиты властные полномочия и ресурсы разного рода сохраняют ее позиции серьезнейшего политического игрока. «Действует не государство: это всегда конкретные группы политиков и государственных служащих, находящиеся в различных частях государственной системы. Но политические силы не существуют независимо от государства» (Dzhessop, 2019, с. 454).

При определении сути феномена политического класса исследователи обращают внимание на недопустимость его отождествления с политической элитой, хотя, как мы увидим непосредственно из приведенных материалов экспертного интервью, термин «политическая элита» чаще используется в научной коммуникации. Политический класс – это группа людей, которые прямо или косвенно реализуют властные полномочия, участвуют в принятии политических решений и управлении государством. Эта группа формирует властные отношения, обладает особыми привилегиями и профессиональными качествами, высокими личными доходами, хорошим материальным положением (Manolov, 2012, р. 166), властными ресурсами (экономическими, социальными, информационными, административными и политическими), рычагами влияния в системе государственного управления, авторитетом, контролирует силовые структуры государства (армию, полицию, специальные подразделения).

Политический класс имеет внутреннюю структуру. Взгляды на нее у разных ученых весьма заметно различаются. Некоторые исследователи выделяют правящую политическую элиту и бюрократический слой. Некоторые эксперты убеждены, что организация политического класса сложнее и включают в него политическую элиту, политическую олигархию и тяготею-

щие к политическому классу группы людей, которые являются частью управленческой иерархии, такие как: высококвалифицированные специалисты и эксперты, делающие политическую карьеру активисты политических партий, «представители социума, напрямую обслуживающие все части политического класса тем или иным образом» (Manolov, 2012, p. 171). Согласно еще одному подходу, который представляется наиболее взвешенным, в структуру политического класса надлежит включать политическую элиту, административную бюрократию, депутатский корпус, политических журналистов, политических советников и консультантов (Solov'yeva, 2020) и бизнес-элигу (Kochetkov, 2017).

Цель данного научного проекта – оценка российскими учеными характеристик политического класса в современном государстве. Материалы статьи носят эмпирический характер и их значимость связана с возможностью получить представление о тех аспектах существования политического класса, которые в настоящий момент представляются российским политологам наиболее значимыми.

Проведенный в декабре 2024 г. экспертный опрос (метод нестандартизованного интервью), участниками которого стали ведущие российские политологи, представляющие академическую и университетскую науку, преподающие в ведущих университетах России, был посвящен оценке трансформации политического класса в условиях постглобализации, когда заметно меняется роль государства. Объем выборки составил 24 эксперта (это достаточный объем выборки для нестандартизованных экспертных интервью; минимально рекомендуемый методическими правилами объем выборки составляет 10 человек). Критериями отбора экспертов с учетом метода сбора информации стали следующие четыре параметра: а) наличие знаний в области политологии и опыта проведения фундаментальных и прикладных исследований по темам, касающимся государства и политической элиты; б) стаж работы в области политологии в институтах РАН, ведущих университетах и аналитических центрах РФ 20 лет и более; в) высокая научная активность и топовые наукометрические показатели; г) безупречная профессиональная репутация.

При всех дискуссионных моментах построения выборки экспертного интервью (Belanovskiy, 2019; Maslennikov, 2010; Churikov, 2020; Shteynberg, 2014; Chernova, 2023; Bogner, Littig, Menz, 2018; Döringer, 2021), в частности, использования стратегии «длинного стола», примененная в данном исследовательском проекте схема отбора экспертов удовлетворяет всем необходимым методическим требованиям, как и построение гайда, и собственно проведение экспертных интервью.

Структура и функции политического класса в оценках эксперта

Вопреки достаточно четко сформулированной в рамках политической науки теории политического класса и определения в нем места политической элиты в отечественной и зарубежной политической науке, эксперты в ходе интервью обратили внимание на то, что политическая реальность оказывается сложнее в современных условиях; *«политический класс на сегодняшний день у нас несколько не структурирован в плане соотношения его с элитными кругами, с интересами, будь то бизнес-интересы, политические интересы. Вот этой структурированности сегодня мы не наблюдаем»* (эксперт 3). Эксперты отметили, что не всегда удобно использовать категорию «политический класс», определяя ее как *«совокупность групп людей, которые оказывают влияние на принятие государственных решений»* (эксперт 20), и это не обязательно чиновники. Даже в абсолютных монархиях *«были группы людей, партии, не считаться с которыми монарх не мог. Если он не слишком считался, то на это всегда у этих групп были чашки с ядом, подушка»* (эксперт 20).

Основной функционал политического класса в новых условиях становления суверенного государства в условиях постглобализации очевиден. *«Политический класс, находясь у руля государственной власти, политической власти, должен как раз решать задачи по сохранению государственного суверенитета, его технологической, цифровой и культурно-ценностной составляющей»* (эксперт 9).

Вместе с тем, экспертами, которые никоим образом не являются сторонниками «теорий заговоров», была высказана точка зрения, что подлинные политические акторы, формирующие политический класс, в современных условиях часто оказываются «невидимыми», поскольку ныне представители бюрократических управленческих кругов и публичные политики далеко не всегда принимают политические решения. *«Тот, кто контролирует повестку дня, тот, кто контролирует ресурсы, используемые для поддержания тех или иных методов, вот это режимные люди ... Существует целый ряд арен, они определяются и контролируются неформальными коалициями, теми коалициями, которые представляют интересы и потребности крупных политических инвесторов, которые контролируют, неважно, в теневой или не в теневой экономике ресурсы; они важны и для государства, и для них. Их конкуренция межсетевая, она государством, с точки зрения правовых институтов, практически не регулируется. Эти люди используют институты в таком инструментальном плане ... только для легализации тех решений, которые принимаются за рамками этих институтов»* (эксперт 21). Высказывается мнение, что *«многие правительственные проекты начинают подгоняться под те методы, которые предлагаются этими игроками. Поэто-*

му получается, что в одном государстве одновременно проводится несколько государственных политик, иногда противоречащих друг другу». Такая ситуация не является чем-то типичной для одной страны; посвященные таким случаям исследования в западных государствах встречаются часто. «Об этом и на западном опыте немало людей писало. Мы видим массу такого рода примеров» (эксперт 21).

Резюме о состоянии и характеристиках политического класса в современных условиях в оценках экспертов выглядит так: «Реальный политический класс – это ... персоны и какие-то микрогруппировки, которые обладают возможностью проникновения в центры принятия решений ... Разные могут быть ходы, пути, варианты обхода ... гражданских вето-пространств. Существует право, существует какой-то контроллинг, правовой надзор и так далее. Вот это реальные политики, реальные. Часть из них имеет абсолютно непубличный характер. Латентная сфера государственной политики значительно более функциональна, более политизирована, чем сама система государственного управления» (эксперт 21). Ключевая задача политического класса – «самосохраниться за счет передачи полномочий, накопленных богатств и ресурсов своим наследникам, прямым, в прямом смысле слова, наследникам» (эксперт 4). Обновление элиты необходимо, но этот процесс должен находиться под контролем общества. Существует взаимозависимость между характеристиками политической элиты и решаемыми ей задачами: «Как изменяется ресурсная база этих игроков, так меняются и поставленные задачи, возможности реализации тех или иных целей ... Изменяется контекст, соответственно, и деятельность, форма, видоизменяются также взаимоотношения» (эксперт 5).

В определенные моменты доминирующие представители элит сами делают ставку на их обновление. Такова ситуация в России в настоящее время: «Сейчас поставлена четкая задача привлечь в элиту новую "свежую кровь", в частности, из числа участников СВО. Вопрос смены элит стоит остро не только из-за необходимости омоложения, но и из-за изменения системы ценностей. Старые элиты остаются носителями ценностей 1990-х и начала 2000-х, связанных с эпохой Ельцина. Теперь перед ними стоит выбор: перестроиться под новую реальность или уйти на замену. Речь идет о вдумчивом, но быстром процессе смены элит ... Те, кто не сможет адаптироваться к новой системе ценностей, рискуют потерять свое место. При этом речь идет не только о моральных аспектах, таких как коррупция, но и о политической идеологии, которая становится ключевым фактором выживания и успеха в новой системе» (эксперт 6).

Высказывается точка зрения, что единого политического класса в современном государстве просто не существует. *«Многие функционально необходимые ассамблеи, то есть сборки вот этих игроков, которые пытаются решить какую-то проблему, прежде всего в своих интересах, они очень разнородны»*. Сам факт принадлежности к определенному управленческому институту и даже занятие высокой должности в нем, согласно этому мнению, не гарантируют обладание властью и реальной возможности принятия политических решений. *«Многие крупные чиновники, которые формально, как бы сказать, легализуют и олицетворяют эти решения, они к самому процессу принятия решений никакого отношения не имеют. А все это происходит за рамками государства»* (эксперт 21).

Но обосновывается и иная точка зрения. Если *«в 1990-е годы представители крупного бизнеса воспринимали себя как руководителей, акторов в отношении государственного аппарата, сейчас ситуация явно противоположная. Государство претендует на то, чтобы диктовать крупному бизнесу, по каким правилам ему жить и в каком направлении развиваться. Главное, что существует совершенно другой общественный запрос. Например, в 1990-е годы повестка была такая, что мы все работаем не на государство, мы работаем на самих себя»* (эксперт 1).

У российских политологов отличаются представления по поводу внутренней структуры политического класса. В ходе экспертного опроса были четко обозначены 2 точки зрения. Во-первых, высказано предложение делить политический класс на 4 категории: чиновников, бизнес, *«представителей электората»* и *«военных чиновников»* (эксперт 20). В качестве надежных источников информации о составе политического класса в нашей стране исследователи называют «Независимую газету», которая ежемесячно публикует список 100 наиболее влиятельных политиков. Российский список представителей политического класса (максимально соответствующий действительности, по мнению российских ученых) присутствует и в тг-канале Е. Минченко «Политбюро 2.0». В нем можно обнаружить лишь двух *«представителей электората»* – В.В. Путина и С.С. Собянина; Р. Кадыров может претендовать, по оценкам экспертов, *«только на место среди кандидатов в "Политбюро"»* (эксперт 20). Проблема заключается в том, что в современной России партии и политическая элита регионального уровня выглядят не слишком убедительно и влиятельно в глазах избирателей, а максимальный политический вес объективно имеют представители крупного бизнеса.

Во-вторых, было высказано предложение структурировать политический класс на 6 или 7 групп, самые заметные из которых – *«ядро»*, *«пропагандистские коалиции»*, *«кураторы крупных проектов»*. Есть слои, которые

«пытаются централизовать сам процесс регулирования, управления и защищать те группы, которые добились преимуществ во власти». При этом «в правящем классе возникает такой слой элиты, который не имеет никакого отношения к принимаемым решениям, но сохраняет контакты с населением» (правление в тени иерархии, по определению Б. Джессопа») (эксперт 21). В результате одни группы в политическом классе принимают решения, а другие, коммуницируя с обществом, пытаются объяснить конструктивный, а подчас и единственно возможный характер этих решений. Парадокс заключается в том, что эти группы несут ответственность за политические решения перед обществом, но к их принятию никакого отношения не имеют.

Тенденции в изменении политической элиты

Возможности изучения реального политического класса в современных государствах, по мнению экспертов-политологов, в значительной степени ограничены. Все же в некоторых зарубежных западных государствах существуют шансы на анализ каких-то отдельных, в основном локальных процессов, связанных с политическим классом. В России практика подобных исследований весьма ограничена. В Китае *«вообще изучать госслужбу, даже не говорю про принятие решений, нельзя ... Все эти исследования либо затруднены, либо они исключены во многих государствах»* (эксперт 21). Но при этом в общем виде в научной литературе многие формы изучения *«подобных ассамблежей»* описаны, они подходят для объяснений каких-то крупных макро- или даже мегапроцессов. Актуально изучение *«персонального воплощения новых постглобализационных трендов»*: заслуживают внимания аналитиков такие политические тяжеловесы и представители политической контр-элиты, как Дональд Трамп, его вице-президент Джеймс Вэнс, Стив Бэннон, Найджел Фарадж, Мари Ле Пен, Виктор Орбан, Роберт Фицо, Сара Вагенкнехт и Алиса Вайдель (кандидат в канцлеры от «Альтернативы для Германии») и др.

Главный тренд существования политического класса на Западе – это обособление элит от населения. Эти группы все больше отдаляются от обществ, в которых базируются, принимая разные формы, вплоть до создания глобальных элит, которые частично захватили контроль над политикой в США и Европе. При этом политический класс в Европе потерял самостоятельность в выработке курса, а политический класс в США расколот по трем позициям: *«с какими странами дружить, с какими странами вступать в конфронтацию», «в отношении семьи», «в отношении мигрантов»* (эксперт 9), что так или иначе отражается на политическом классе в Европе. Но *«речь идёт о способностях политической элиты консолидироваться вокруг ключе-*

вых вопросов национальной повестки» (эксперт 9), именно это дает шанс на сохранение данной группы в качестве части управленческой команды.

Современная политическая реальность России создает новые возможности для населения, обеспечивая систему более открытых социальных лифтов для попадания и в политический класс, и в собственно элитные группы. *«Сейчас у нас в политический класс стало чуть больше социальных лифтов, которые позволили эту деструктуризацию внести. На вопрос, чьих вы кровей будете, ответить мало кто может. Соответственно, мы видим появление таких лифтов, как новые образовательные программы для подготовки элиты высшего уровня (школа мэров, школа губернаторов, "Лидеры России", "Время героев". Это те социальные лифты, которые приводят в политический класс новых управленцев, новых людей ... сама ситуация подстегнула сделать это сейчас, более форсировано эти лифты открыть и заставить работать» (эксперт 3).* В качестве значимого шага в направлении обновления состава политического класса в России эксперты назвали платформу (проект) «Лидеры России» (первый конкурс прошел в 2017–2018 гг.), которая позволила проникать в политический класс *«так называемых технократов»*, но одновременно дала старт развитию других программ.

В целом оценка качества элит зарубежных стран у экспертов скептическая; по их мнению, наблюдается резкое ухудшение их системных характеристик. В этом легко убедиться, *«достаточно посмотреть на лидеров политических партий, на кандидатов в премьер-министры, на лидеров общественного мнения во многих странах. Мы видим ухудшение качества этих людей. Они не способны транслировать общенациональную повестку дня, не способны долго продержаться на определенном уровне политического влияния. Их политические организации нестабильны, подвержены ломкости, хрупкости. И, возможно, это входит в определенные правила игры, которые устанавливают не партийные лидеры или лидеры общественной ассоциации, а глобальные элиты, т.е. те структуры, которые обладают гораздо большим объемом ресурсов» (эксперт 1).*

Таким образом, высказывается предположение, что на состояние политического класса в современных государствах оказывают влияние наднациональные элиты. Важнейшая проблема политического класса – нести ответственность за свои действия, но ее *«никто ни за что не несет. Вот это самое плохое. А это ведь главная добродетель политика, по Максу Веберу, это ответственность перед своим делом» (эксперт 4).* Эксперты говорят об определенной депрофессионализации политической элиты, росте популизма, изменении стиля поведения *«под влиянием социальных сетей, эмоциональной*

составляющей и вопреки рациональной» логике (эксперт 13), о снижении обоснованности и адекватности принимаемых решений.

Примеры последних лет в западных странах явно показывают, как легко в политическом классе проводились замены сегментов, которые, казалось бы, были защищены общественным мнением и поддержкой населения: *«Сломана коалиция СИРИЗА в Греции, фактически эту страну заставили признать долги ... свергнуто правительство в Италии, которое называли популистским и привели к власти идеологически противоположное правительство без всяких выборов. В Испании около 15% голосов были фактически украдены у левой коалиции Подемос; она сейчас практически не располагает влиянием, эти голоса были переданы управляемым левым...»* (эксперт 1). В зарубежных странах существует страх перед оппозицией; делается все, чтобы реальная оппозиция не могла занять значимые места в политическом классе. *«То, что происходит в Германии в отношении "Альтернативы для Германии", в отношении партии Вагенкнехт, во Франции это отношение к Национальному объединению Мари Ле Пен и так далее, и тому подобное. Это признаки болезни системы»*). Входящие в политический класс группы периодически меняются. Если в государствах Латинской Америки 20–25 лет назад был *«правый поворот»*, то сейчас наблюдается более умеренный *«левый»* (эксперт называет его *«розовым»*). Ключевые проблемы общества и государства оказались не решены, поскольку эти ныне стремящиеся к власти партии вновь выдвигают *«идеи социальной инклюзии, более равномерного распределения доходов, равноправия расовых и этнических групп, федерализации, а в ряде стран и сепаратизма»* (эксперт 1).

Шанталь Муфф писала, что многие страны Запада находятся в ситуации постполитики, когда нет реального выбора и конкуренции, а *«идеологические расхождения сведены к игре имиджей, к каким-то словесным манипуляциям в предвыборных технологиях»*. Такая ситуация во многих странах, а *«это означает, что политическое пространство все равно будет заполняться какими-то альтернативными проектами»* (эксперт 1). В западных государствах (Франция, Германия, США, Финляндия, Польша и др.) наблюдается поворот к консерватизму или ведется активный поиск внешнего врага (эксперт 15). Есть многочисленные примеры, когда именно политический класс, ориентируясь на международную проблематику, диктует населению предельно агрессивную внешнюю политику: в Швеции и Финляндии население *«вообще не спросили, просто политический класс принял решение и вовлек эти страны»* в НАТО (эксперт 3).

При этом отдельные эксперты высказали мнение, что политический класс подстраивается под общественное мнение. *«Политический класс, по-*

литическая элита, она подстраивается под ту тенденцию, ту стратегию, которая вырабатывается в том или ином государстве» (эксперт 2). В качестве примера была приведена ориентация населения России на либеральные идеи в 1990-х годах; только когда стало понятно, что «Россия Европе не нужна, Западу тем более, пришлось искать другой вариант». После возвращения Крыма в состав России из двух противоположных тенденций в общественном мнении – «европейской и суверенной» – верх стала брать вторая, после чего «формирующийся политический класс, политическая элита, которая не разделяет общую позицию, она стала отходить от рычагов управления». Этот же эксперт назвал нынешнюю российскую элиту «достаточно консолидированной». Она выступает за развитие «суверенной России, которая имеет свою собственную позицию по практически всем вопросам, стараясь не конфликтовать с теми, с кем уже налажены хорошие отношения». Именно та часть элиты, которая поддерживает «стратегию суверенизации страны, она сейчас формирует политический класс» (эксперт 2). «Доминирующая группа, которую представляет Путин, становится чрезвычайно важной в принятии решений и определении политики» (эксперт 5).

Наблюдаются две разнонаправленные тенденции: «приход к власти национально-ориентированных политиков и чиновников, деятельность которых направлена на усиление роли и потенциала государств, расширение государственного суверенитета (Венгрия, Турция, Азербайджан, Индия, Китай). В других случаях наблюдается усиление поляризации и борьбы внутри политического класса между сторонниками глобализма и антиглобалистскими группами (США, Франция, Германия, Польша, Словакия, Хорватия, Австрия, Нидерланды)» (эксперт 10). Положение национальной политической элиты напрямую зависит от степени ее отдаленности от ядра глобальной транснациональной элиты, кроме случая США; в развивающихся странах существуют риски «потери элитой своей субъектности, когда государственная повестка подменяется на корпоративную» (эксперт 11).

Заслуживает внимания неоднородность динамики политического класса в разных государствах: «пересменка» правящих элит в США, тенденции к правительственному кризису в Германии, в независимых государствах на постсоветском пространстве проявляется кризис легитимности, связанный с последствиями внутренней политики, но так или иначе касающийся внешней политики (случай Грузии с нежеланием признать результаты парламентских выборов и недовольство паузой в процессе евроинтеграции). «В условиях постглобализма по-прежнему используются методы инспирирования социальной динамики в противовес правящему порядку, которые разрабатыва-

лись для проведения глобалистской повестки в целом и совершения демократического перехода (как предполагается, перехода "снизу")» (эксперт 12).

Невозможно игнорировать случаи, когда фактическая «утрата суверенитета ведет к изменению роли политико-административной элиты», как это можно наблюдать в ряде государств: «Казус Молдавии, это прибалтийские лимитрофы, это современная Украина, когда местная политико-административная элита является либо прямыми ставленником западных государств и международных транснациональных компаний, либо служит интересам конкретных внешних государств». «Если происходит полное поглощение и растворение суверенитета более сильными игроками, политико-административные элиты выполняют волю хозяев игры», «когда решаются интересы чужих стран и корпораций в границах конкретно взятого государства» (эксперт 17).

Состояние политико-административной элиты государств, сохранивших суверенитет, также имеет определенные проблемы: чаще всего она не едина, что можно наблюдать в таких странах, как КНР и Иран. В Китае есть внутренний раскол между элитными группами, одна часть из которых считает, что нужно выстраивать более жесткие принципы суверенной политики и экономики и противостоять «либеральному глобализму», а другая настаивает на тесном сотрудничестве с Вашингтоном, выполнении всех его условий, взаимодействии с Международным валютным фондом, Всемирным банком; эксперты называют такую позицию «некой колонизацией на новый лад» (эксперт 17). Налицо в политическом классе ситуациях трех «не»: «неравномерности, несплоченности и неединства».

Лишь некоторые страны, встроенные в систему международных институтов, за экономическое и политическое покровительство в которых они должны расплачиваться собственным суверенитетом, пытаются отстоять национальные интересы (например, Словакия и Венгрия в Евросоюзе); отдельные проблески стремления к защите национальных, государственных интересов можно наблюдать у представителей политического класса других государств, входящих в эту организацию. В тяготеющих к авторитаризму странах можно наблюдать «внешнюю консолидацию правящего класса ... ради усиления влияния своих государств в мировых отношениях, в мировом порядке» (эксперт 18).

Дискуссионные вопросы

Опрос показал ряд тем, которые требуют уточнения позиций экспертов.

Во-первых, речь идет о сходстве/различии тенденций развития отечественной и зарубежной политической элиты как наиболее значимого компонента политического класса.

Во-вторых, нет единого понимания характеристик национальных элит в ситуации сохранения мощи/усиления элит глобального уровня.

В-третьих, необходимо более четкое понимание модели отношения политического класса с государством (в трактовке, представленной в работе Б. Джессопа, т.е. не как совокупности институтов, а людей, обладающих реальной властью на различных ее этажах).

В-четвертых, у экспертов отсутствует представление о то, какая из двух тенденций – фрагментация или консолидация политического класса – в настоящее время проявляется сильнее.

В-пятых, необходима дополнительная аргументация корректности существующих методов оценки управленческой эффективности национальных элит.

В ходе интервью эксперты больше внимания обращали на ситуацию с политическим классом в России, однако некоторые их наблюдения относительно политического класса в зарубежных странах также заслуживают внимания. Продолжается противостояние национально-ориентированных и глобалистских элит внутри конкретных государств. Наблюдается углубление раскола правящего класса в развитых странах (США, Франция, Германия, Польша, Австрия, Нидерланды и т.д.) и внешняя консолидация правящего класса в государствах, выступающих за плюралистический миропорядок и претендующих на роль активных мировых игроков в условиях постглобализма (Венгрия, Турция, Азербайджан, Индия, Китай и т.д.). В сохранивших свой суверенитет государствах политико-административная элита не едина.

Политические элиты в ряде стран не просто поддерживают глобалистский курс, но находятся в подчиненном положении относительно глобальной элиты. Наблюдается снижение уровня компетентности, качества, профессионализма и влияния политико-управленческого корпуса в странах Европы, растворяется его субъектность под влиянием глобальной элиты. Маргинализация реальной оппозиции снижает политическую конкуренцию в странах Европы. Модели идентичности политических лидеров стран Запада становятся менее отчетливыми, сложными и противоречивыми. Ценности христианской традиции и политические идеологии, за исключением неолиберальной, утрачивают роль маркеров идентичности. Укрепляются порожденные членством в глобальных альянсах политико-психологические связи с государством-гегемоном и космополитическим сообществом транснациональных элит.

Политические лидеры все больше теряют свою автономность, становясь зависимыми от консультантов и технологий, что трансформирует природу публичной политики. Эксперты видят залог устойчивости государства перед вызовами современности в обновлении политической элиты. Снижаются требования к управленческому корпусу: в текущих условиях высокой неопределенности позитивным результатом может являться всего лишь минимизация управленческих ошибок элиты. Выбор Россией суверенной модели развития в противовес общеевропейской обеспечивает обновление политического класса. Продолжается рост субъектности российского государственного аппарата и престижа государственной службы. В условиях геополитической турбулентности происходит политическая мобилизация российской государственно-управленческой элиты.

Взаимодействие политического класса и государства должно соблюдать следующие принципы: отчетность и прозрачность, сотрудничество и взаимопонимание, учет общественного мнения, высокая скорость принятия решений и исполнения поручений, технологичное делопроизводство. Действия политического класса в настоящее время в значительной степени определяется личными карьерными интересами. Тренды интересов государств и политико-административных элит начинают расходиться, что порождает массовый запрос на национально-ориентированных политиков. Однако в большинстве случаев этот запрос удовлетворяется как идейными, так и конъюнктурными популистами. Эксперты в целом положительно оценивают существующую систему критериев эффективности работы государственных служащих, губернаторов (KPI). Один из главных критериев оценки эффективности работы политика – качество жизни и благосостояние населения.

При рекрутировании и ротации политической элиты значимо следование универсальным формальным правилам оценки деятельности политико-управленческого корпуса. Необходимо введение персональной проектной ответственности, уравнивание размера оплаты труда в госсекторе с заработной платой в коммерческом корпоративном секторе, ротацию кадров в сфере гражданского администрирования с поддержанием компетентностной мобильности. Требуется обеспечение постоянного межведомственного взаимодействия элитных управленческих групп на основе сотрудничества.

Необходимо формирование компетентного корпуса муниципальных управленцев, способных обеспечить эффективную коммуникацию с населением, принятие и реализацию ответственных политико-управленческих решений. Обязательными системными требованиями к национально-государственной элите являются принципы служения интересам страны и гражданской солидарности. Губернаторы в нынешней ситуации с различны-

ми «черными лебедями» (например, необходимость в условиях пандемии проведения достаточно самостоятельной региональной политики для преодоления ее последствий) нередко выполняют функции менеджеров, операторов бюджетных трансфертов для успешной реализации национальных проектов. Набирает силу тенденция горизонтальной и вертикальной ротации кадров внутри федеральных и региональных элит.

Перед политическим классом ставится объективная задача сочетания цифровых и нецифровых (т.е., как правило, силовых или рестрикционных) методов госуправления для достижения необходимого результата – сохранения статус-кво и недопущения неподконтрольных актов инициативного политического поведения масс. Цифровизация влияет не только на процесс управления, но и на процесс рекрутирования политико-административного класса. Она предъявляет новые требования к процессу формирования команд, которые способны управлять цифровой повесткой и медиасферой, обладают качествами цифровых лидеров в медийной повестке. Постепенно формируется новая когорта субфедеральной элиты, способная участвовать в принятии решений, определяющая своё влияние в цифровой медиа сфере.

Способность проводить самостоятельную, национально-ориентированную суверенную политику, обеспечивая развитие страны, ее конкурентоспособность на внешнем контуре и поступательное экономическое и социальное развитие, включая повышение благосостояния граждан, на внутреннем, является важнейшим критерием эффективности политической элиты. Другими важнейшими критериями эффективности функционирования политического класса эксперты называли исполняемость поручений, профессионально понятную, своевременную коммуникацию с населением, удовлетворенность людей проводимой политикой и повышение институционального доверия граждан.

References

- Belanovskiy, S. (2019). *Glubokoye interv'yu i fokus-gruppy* [Deep interviews and focus groups]. (In Russ)
- Bogner, A., Littig, B. & Menz, W. (2018). *Generating Qualitative Data with Experts and Elites*. In: Flick U. (ed.) *The SAGE Handbook of Qualitative Data Collection*. London: Sage, 652-667. <https://doi.org/10.4135/9781526416070.n41>
- Burenko, V. I., & Shumilov, A. V. (2012). The political class of modern Russia in the context of the instrumental approach. *PolitBook*, (4), 9-18. (In Russ)
- Cairney, P. (2015). What Do We Mean When We Talk about the 'Political Class'? What Do We Mean by the 'Political Class'? *Political Studies Review*, 15(1), 18-27. <https://10.1111/1478-9302.12092>
- Chernova, Z. V. (2023). Methodological Aspects of Expert Interviews: Approaches, Opportunities, and Limitations. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. (5). 74-90. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.5.2418>. (In Russ)

- Churikov, V. (2020). *Osnovy postroyeniya vyborki dlya sotsiologicheskikh issledovaniy* [Basics of constructing a sample for sociological research]. (In Russ)
- Döringer, S. (2021). The Problem-Centred Expert Interview: Combining Qualitative Interviewing Approaches for Investigating Implicit Expert Knowledge. *International Journal of Social Research Methodology*, 24(3), 265-278. <https://doi.org/10.1080/13645579.2020.1766777>
- Dzhessop, B. (2019). *Gosudarstvo: proshloye, nastoyashcheye i budushcheye* [The State: Past, Present and Future]. (In Russ)
- Gaman-Golutvina, O. V. (2016). Politicheskie jelity kak ob#ekt issledovaniy v otechestvennoj politicheskoy nauke [Political elites as an object of research in domestic political science]. *Politicheskaya nauka*, (2), 38-73. (In Russ)
- Gaman-Golutvina, O. V. (red.) (2012). *Politicheskii klass v sovremennom obshchestve* [Political class in modern society]. (In Russ)
- Kryuchkov, V. A., Skovikov, A. K., & Titova, O. N. (2013). Political Elite: A Theoretical Aspect. *Fundamental research*, 11(8), 1736-1740.
- Kochetkov, A. P. (2017). Osobennosti formirovaniya i razvitiya politicheskogo klassa sovremennoy Rossii [Features of the formation and development of the political class of modern Russia]. *Vlast'*, (1), 12-18. (In Russ)
- Kolyadin, A. M. (2015). *Sub'yektnost' politicheskogo klassa i yego sotsial'naya znachimost'* [Subjectivity of the political class and its social significance]. (In Russ)
- Leyn, D. (2020). Ot natsional'noy vlastvuyushchey elity k global'nomu politicheskomu klassu [From National Ruling Elite to Global Political Class]. *Rossiya v global'noy politike*, 21. 6(124), 217-221. (In Russ)
- Manolov, G. L. (2012). The political class – definition and characteristics. *Facta universitatis. Series: Economics and Organization*, 9(2), 161-175.
- Maslennikov, V. Ye. (2010). Osobennosti otbora ekspertov [Features of the selection of experts]. *Sotsiologiya*, 2, 82-93. (In Russ)
- Mosca, G. (1939). *The ruling class*.
Politicheskaya jelita sovremennoy Rossii: problemy stanovleniya i razvitiya (2021) [The political elite of modern Russia: problems of formation and development]. (In Russ)
- Shteynberg, I. Ye. (2014). Logicheskiye skhemy obosnovaniya vyborki dlya kachestvennykh interv'yuu: «vos'miokonnaya» model' [Logical schemes for justifying sampling for qualitative interviews: the "eight-window" model]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* (Sotsiologiya: 4M), (38), 38-71. (In Russ)
- Shteynberg, I. Ye. (2021). *Metod «dlinnogo stola» v kachestvennykh polevykh sotsiologicheskikh issledovaniyakh* [The Long Table Method in Qualitative Field Sociological Studies]. (In Russ).
- Solov'yeva, D. D. (2020). Podkhody k ponimaniyu struktury i komponentov politicheskogo klassa [Approaches to understanding the structure and components of the political class]. *Sotsial'no-politicheskiye nauki, KH(1)*, 33-39. (In Russ).
- Tulchinskii, G. L. (2023). Smysl vlasti i vlast' smysla: pragmasemantika sootnosheniya politicheskoy vlasti i smysloobrazovaniya [The meaning of power and the power of meaning: pragmasemantics of the relationship between political power and meaning making]. *Polis. Political Studies*, (6), 180-188. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.13> (In Russ)
- Vis, B. & Stolwijk, S. (2021). Conducting quantitative studies with the participation of political elites: best practices for designing the study and soliciting the participation of political elites. *Quality & Quantity*, (55), 1281-1317.

Для цитирования: Попова, О. В. Политический класс в современном государстве: оценки экспертов / О. В. Попова // PolitBook. – 2025. – № 1. – С. 129-144. – DOI 10.24412/2227-1538-2025-1-129-144